

А.А. Али-заде

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31249/scis/2021.00.06

Аннотация. В статье делается попытка теоретического осмысления глобальной социальной революции, совершенной цифровыми технологиями коммуникации. Констатируется возникновение глобального общества как новой социально-экономической парадигмы. Подробно рассматриваются составляющие нерасторжимое единство стороны этой глобальной парадигмы – экономическая (глобальная экономика), идеологическая / ценностная (неолиберальная идеология), технологическая (социально-техническая система, глобальное цифровое общество) и социальная (глобальное гражданское общество). Особый упор делается на анализ социальной стороны – феномен глобального гражданского общества, поскольку этот феномен представляет суть глобальной социально-экономической парадигмы. Обосновывается вывод, что формирование глобального гражданского общества неотвратимо при всех проблемах его становления.

Abstract. The article makes attempt to theoretically comprehend the global social revolution, perfected by digital communication technologies. The emergence of a global society as a new socio-economic paradigm is stated. The sides of this global paradigm are considered in detail – economic side (global economy), value side (neoliberal ideology), technological side (socio-technical system, global digital society) and social side (global civil society). Special emphasis is placed on the analysis of the social side – the phenomenon of global civil society, since this phenomenon is the essence of the global socio-economic paradigm. The conclusion is substantiated that the formation of a global civil society is inevitable despite all the problems of its formation.

Ключевые слова: цифровые технологии коммуникации; глобальное гражданское общество; глобальная социально-экономическая парадигма; глобальная экономика; социально-техническая система; неолиберальная идеология; самоорганизация; самоуправление и управление; виртуальная трудовая миграция; социальная конфликтность.

Keywords: digital communication technologies; global civil society; global socio-economic paradigm; global economy; socio-technical system; neoliberal ideology; self-organization; self-government and social management; virtual labor migration; social conflicts.

Ключевое понятие в словосочетании «глобальное гражданское общество» – «глобализация». Основа глобализации является не политической и не экономической, но сугубо технологической и социальной. А именно: феномен глобализации, каким он сложился на рубеже XX–XXI вв., целиком и полностью обязан своим появлением цифровым технологиям коммуникации, совершившим социальную революцию, в результате которой возникло глобальное общество. То есть глобальное общество имеет технологическую основу, и поэтому оно необратимо – нельзя отказаться от цифровых технологий коммуникации, забыть их и вернуться к прежней социально-коммуникационной среде. Глобальное общество можно рассматривать с разных сторон – экономической, технологической, социальной и идеологической / ценностной.

С экономической стороны глобальное общество представляет собой глобальную экономику, в корне отличающуюся от того «капитализма», который был до глобализации [4]. Действительно, в настоящее время общепризнан факт существования глобальной экономики и, следовательно, глобального социума, глобальной социально-экономической системы. Тем самым признается факт перехода мирового социально-экономического пространства в новое качество – целостности, единства, в отличие от традиционного состояния, когда понятие «человечество» «держалось в уме», а в позитивистской реальности было почти фикцией. Теперь же само признание процесса социально-экономической глобализации говорит о реальном формировании в этом процессе единой человеческой общности – среды, воспитывающей в индивиде той или иной этнической, национальной, культурной, конфессиональной принадлежности общечеловеческое сознание. Такова перспектива глобализации – глобальная социальная среда рано или поздно создаст глобальную ментальность.

Между тем научное осмысление социально-экономической глобализации остается в плену у традиционного представления о том, что рыночная экономика – это «капитализм». Такое представление не просто устарело – оно неверно по сути. Понятие «капитализм» исторически изобретено для характеристики даже не столько

«капиталоемкой» рыночной социально-экономической системы, сколько определенной политической системы, в которой капитал трансформирован в политическую власть, становится фактором появления «властного класса», нацеленного на угнетение общественной самоорганизации, отчуждение ее естественных прав и тем самым развязывающего в «капиталистическом» обществе то, что К. Маркс называл «классовой борьбой».

Таково марксистское, «капиталистическое» понимание мирового рыночного развития, отражающее социально-политическую (притом определенного исторического периода – середины XIX в.) сторону этого развития. «Капиталистические» шоры не позволяют увидеть фундаментальную природу мирового социально-экономического процесса – то, что он представляет не институт власти, а напротив, институт общественной самоорганизации (рынок – пространство общественной самоорганизации), укорененный в самой природе человека, наделенного свободой воли, что и вынуждает людей, находящихся в естественном для них пространстве свободы, договариваться друг с другом, искать между собой компромиссы.

Следовательно, политически нагруженное понятие «капитализм» не может быть ключевым для построения адекватной теории мирового развития рыночной экономики. Тем более – в настоящее время, когда рыночная экономика развивается в новом качестве глобальной экономики, в которой капитал, свободно пересекающий государственные границы, выступает фактором скорее либерализации социально-экономической, в том числе политической, системы, нежели, как раньше, взращивания в рамках национального государства «властного класса». В глобальной экономике национальные правительства вынуждены быть либеральными именно потому, что глобальная экономика в принципе разъединяет капитал и власть. Хотя экономически сильная страна может пытаться «давить» на экономически слабые страны, это все равно не власть «класса от капитала» над отчужденными от капитала классами в «капиталистическом» государстве.

Итак, глобальная экономика – это не «глобальный капитализм». С идеологической / ценностной стороны глобальную экономику и в целом глобальное общество следовало бы определить как неолиберальную социально-экономическую парадигму [4]. Причем приставка «нео» указывает не на некое «количественное» изменение «старого» либерализма, а на принципиально новый либерализм, обязанный своим появлением качеству глобализации

социально-экономической системы, благодаря которому исконный либерализм рынка во многом освободился от неестественного для него альянса с властью. Понятие же «парадигма» означает, что неолиберализм глобальной экономики (и в целом глобального общества) – долгосрочная и фундаментальная реальность, не являющаяся продуктом либерально настроенных политиков и теоретиков; напротив, неолиберальная парадигма вынуждает становиться либералами политиков, если они хотят быть прагматичными, и теоретиков, если они хотят быть честными.

Неолиберальная парадигма – это глобальный социально-экономический порядок, при котором ценностью, общественным благом становится свобода в социальном и экономическом ее воплощении. Экономическая свобода означает свободу накопления капитала, однако с тем ключевым уточнением, что накопление капитала будет свободным только в условиях экономической демократии – отсутствия привилегированных «накопителей капитала». Это и предусматривает неолиберальная парадигма с ее институциональным обеспечением запрета на сращивание капитала и власти и требованием от государства свести его размеры в экономике до минимума. Данное требование означает, что государство обязано законодательно охранять экономическую демократию в виде справедливой (равноправной) рыночной конкуренции. Неолиберальная парадигма не освобождает государство от регулятивной функции в отношении экономики, но вменяет ему в обязанности исключительно косвенное регулирование (через налоговое законодательство и т.д.). Безусловный запрет налагается на подмену государством рынка – собственно, в этом и состоит неолиберальное требование сокращения размеров государства в экономике до минимума. Отсюда и логика приватизации как взращивания, расширения и укрепления рыночного сектора, сферы приватизации, в которую сегодня от государства передаются даже такие исконно «государственные» области, как транспорт, телекоммуникации, нефть и прочие естественные ресурсы, жилищное строительство, образование и т.д. И такая тенденция – не «либеральная игра» и не «политика», но некая фундаментальная общественная потребность, возникшая на данном уровне мирового социально-экономического развития.

Суть в том, что неолиберальная парадигма мирового социально-экономического развития, реализующаяся в качестве глобальной социально-экономической системы, – это в целом, конечно, общественное благо, прогресс не только экономический, но и со-

циальный и личностный. Для человека рост объема свобод – безусловно, большее благо, нежели рост объема власти. Власть, довлеющая в обществе над свободой, всегда ведет к гораздо большей социальной несправедливости в виде властного произвола и разгула коррупции, чем несправедливость, порождаемая издержками свободы. В конце концов, неолиберальная парадигма – нечто прямо противоположное «свободе капитализма» в классическом политизированном понимании «капитализма» как сращивания капитала и власти. Факт, что социально-экономическая глобализация, сопровождаемая взрывным ростом экономической свободы и повышенным стимулированием предпринимательства, уже дает в целом отдачу в виде экономического роста, обеспечиваемого новым – инновационным – качеством мировой экономики, заметного снижения уровня бедности и повышения стандартов жизни.

Главной и существенной издержкой приватизационной тенденции неолиберальной парадигмы мирового социально-экономического развития является неравномерность этого развития по территориям. Этот эффект понятен: приватизационная тенденция и при «капитализме», и в глобальной экономике развязывает конкуренцию, которая несет в себе не только развитие, но и обязательное расслоение среди конкурентов на лидеров и отстающих. Рыночная экономика (а рынка – экономической свободы – в глобальной экономике существенно больше, чем в экономике «капиталистической») в принципе работает на подобное расслоение, которое «на выходе» дает эффект не только социального расслоения на богатых и бедных, но и неравномерного развития территорий – стран и внутри стран. Это воспринимается как несправедливость, тем более в отношении глобальной экономики, где резко возрос объем экономической свободы и, как следствие, настолько же усилилась «несправедливость». Собственно, отсюда – критика неолиберальной парадигмы, воспринимаемой критиками не как парадигма, а как политика дискриминации «клубом развитых стран» остального мира. На глобальную экономику переносится классическая критика «капитализма» с обвинениями в появлении глобального «властного класса от капитала» и идеями «глобальной классовой борьбы».

Разумеется, «капиталистические» поползновения имеют место в глобальной экономике, и критика их справедлива, как справедливы и требования общественной солидарности против социально и экологически безответственного бизнеса, коррупционной или / и авантюрной власти. Однако «классовая» идея выравнивания

мирового социально-экономического развития путем перераспределения мирового валового продукта в пользу «бедных» стран демонстрирует только одно – элементарное непонимание того, что глобальная экономика появилась не с подачи «капитализма США», но как выстраданная мировым общественным развитием парадигма. Уже поэтому «глобальная экономика не только не является “глобальным капитализмом”, но представляет по сравнению с ним более прогрессивный социально-экономический порядок, хотя и сохраняющий и даже, скорее, обостряющий принципиальный “дефект” рыночной экономики – территориальное и социальное неравенство. Однако нужно признать, что это неравенство – развития, а не застоя, и, значит, преодолеть его следует, не посягая на парадигму. Следует использовать ее же потенциал возросшего объема общественной свободы, активизируя реальный общественный контроль развития и создавая условия для соединения экономического развития с развитием социальным и личностным» [4, с. 72].

С технологической стороны глобальное общество – это глобальная социально-техническая система, глобальный цифровой мир. Подобно тому как глобальная экономика, глобальный рынок – это не «глобальный капитализм», глобальная социально-техническая система, которая целиком и полностью обязана своим возникновением цифровым технологиям коммуникации, демонстрирует качественно новый социум, кардинально отличающийся от того, который существовал до цифровой революции. В цифровом социуме социально-человеческая и технико-технологическая (представленная цифровыми технологиями коммуникации) стороны оказываются «сплавленными» в единую сущность – именно в социально-техническую реальность, в которой уже невозможно отделить человека от технологии. Недаром общество в его нынешнем состоянии глобальной социально-технической системы исследуется с помощью таких понятий, как «постгуманизм» и «трансгуманизм», отражающих цифровой социум в качестве «постчеловеческой» реальности, где человек трансформирует свою природу, становится «новым человеком» [5; 3].

Между тем цифровой социум лишь ярко проявил то, что «трансгуманизм» заложен в самой природе человека, поскольку родовый человек идентифицируется как технолог, который, пользуясь своими природными инструментами (мышлением, языком) и рукотворными технологиями, непрерывно трансформирует не только внешний мир, но и самого себя – свою «человечность».

Если понимать «человечность» как моральное сознание, то, по логике непрерывной человеческой «трансгуманизации» (непрерывной трансформации «человечности»), не ожидает ли людей полное вытеснение в них морального сознания технологическим поведением, не происходит ли (если вспомнить Ф. Фукуяму) «конец истории человечности»? Правильно ли исповедовать «трансгуманизм» как философию, которая, ссылаясь на фундаментальное для человека и общества технологическое развитие, определяет глобальную социальную перспективу как мир «после человека»? Действительно, если наши «проточеловеческие» предки сумели совершить свой «технологический» вход в род *Homo sapiens*, то почему их далеким потомкам столь же «технологично» не осуществить выход из «человечности»? Ведь человек является технологом не по своей воле, а по природе. Решает природа, а не человек. В этом смысле все природные существа, все формы жизни, не только человеческая, технологичны – они используют технологии для своего приспособления к существованию в среде. «Человек разумный» отличается от представителей любого другого животного вида, поскольку формирует себя рефлексией посредством языка.

Язык – не то, что человек может использовать, но то, что и есть сам человек. Язык и мышление нужно рассматривать не как независимые друг от друга, внешне связанные области, а как формирующие друг друга и взаимно сдерживающие сферы. Человек стал разумным, обретя способность ясно выражать свои мысли, т.е. обретя язык. Рожденная языком способность делать свои ощущения и импульсы объектами критической оценки превратила человека в единственный на Земле вид, стремящийся уйти в новые миры возможностей, т.е. имеющий постоянную идею развития, реализуемую через конструирование этих новых миров. Так, «человек разумный» получает от технологии слова эффект своего бесконечного «расширения» в плавном переходе слова в рукотворную технологию – технологический прогресс.

В опоре на эту логику и возникла философия трансгуманизма, в соответствии с которой человек в будущем, возможно, в близком будущем, учитывая постоянное ускорение технологического развития, окажется способным «сконструировать» свою новую – постбиологическую – природу, стать новым видом. Но это уже будет мир «без человека». Для сторонников философии трансгуманизма «технологический прогресс – та же биологическая эволюция, но только другими средствами» [3, p. 228].

Если согласиться, что технологический прогресс развивается как процесс трансгуманизации, то нынешнее состояние этого процесса следует оценить как прямое слияние человека и компьютера, что, собственно, и характеризует трансформацию традиционной социальной среды в социально-техническую систему – «постчеловеческую» среду продвинутых интерфейсов человека и компьютера. Факт именно такого развития общепризнан, иначе не было бы самого определения современного общества как глобальной социально-технической системы. Многие исследователи обеспокоены проблемой недалекого будущего цифрового общества, которая состоит в неравноправии сторон слияния – человека и компьютера, – в том, что человеческая сторона с ее более ограниченными когнитивными возможностями, чем возможности компьютера, уступит компьютеру первенство и окажется жертвой «естественного отбора». Когда это произойдет, «искусственный интеллект» продолжит свой путь в одиночестве, воспроизводя самого себя на более высоких уровнях, проектируя и конструируя свои новые формы, более быстрые, чем человеческий интеллект.

Реальна ли перспектива полного вымывания человеческого измерения из новейшего этапа технологического развития? Категорически нет. Представление о возможности подобного финала человеческой / социальной истории навеяно заведомо бесплодными мечтами об идеальном обществе, функционирующем во всех своих частях и на всех своих уровнях как безошибочный механизм.

Однако общество в принципе не может быть таким. Это статистическая система, в которой не просто существует, но должна существовать вариантность поведения – ошибочное, ненормальное, криминальное, аморальное. Необходимо осознать тот непреклонный факт, что, выполняя императив статистического порядка, представители рода *Homo sapiens* тысячелетиями не только реализовывали лучшие свои побуждения через образование, самодисциплину, мораль, программы социальной инженерии и проекты всевозможных реформ, но и продолжали изошренно убивать друг друга, воевать (нации), думать не об общественном благе, а о собственной власти (правительства). Опирающаяся на базовый для человека и общества фактор технологического развития философия трансгуманизма верна не в своем прогнозе «мира без человека», но в отражении процесса все более тесного сращивания человека и технологии, сращивания, в котором человеческая сторона, увеличивая свою зависимость от технологической стороны, не

утрачивает себя, поскольку человек в этом историческом процессе просто реализует свою технологическую природу.

Реализуя в процессе трансгуманизации свою природу технолога и придя к цифровым технологиям коммуникации, человек оказался оператором в сложной – открытой, динамичной и мало-предсказуемой – социально-технической среде, где он уже не был прежним «социальным», но стал «социально-техническим» субъектом, человеческой стороной нераздельного социально-технического единства. Эта нераздельность потребовала к себе от человека когнитивной / ментальной адаптации – адаптации к информации, производимой с помощью компьютерных устройств. Важный фактор работы с компьютерной информацией – организационный дизайн, создающий необходимые для операторов в социально-технической системе принуждения в отношении всего спектра когнитивной реакции на получение информации.

Важность организационного фактора, структурирующего общественную жизнь, несомненна во все времена по определению, но в социально-технической среде с ее раскрепощенной самоорганизацией – коммуникационной, информационной свободой – организационные принуждения приобретают критическое значение именно потому, что они призваны в какой-то степени регламентировать беспрецедентные самоорганизацию и свободу, иначе не регламентируемая самоорганизация закончится тотальной социальной энтропией. И надо понимать, что эти требуемые в социально-технической среде организационные регламентации-принуждения могут носить только частный творческий характер. Тот или иной организационный дизайн подбирается для конкретной команды операторов и учитывает массу условий работы данной конкретной команды: рабочую область, физический, социальный и культурный контексты; необходимые для достижения рабочих целей действия с помощью имеющегося набора ресурсов; когнитивные стратегии, которые могут определять рабочую активность; распределение работы среди операторов и координацию их действий; соответствие рабочих требований когнитивным способностям и компетентности операторов [8].

Социально-техническая среда – это среда глобального общества во всех его частях и на всех его уровнях. В идеологическом / ценностном отношении это неолиберальная среда, и органичный для нее «социально-технический» человек («трансчеловек») выстраивает на базе цифровых технологий коммуникации неолиберальную, самоорганизующуюся, горизонтальную, сетевую комму-

никационную среду, разрушая навязываемый институтом власти вертикальный, иерархический порядок в обществе. Тем самым основным противоречием глобального общества, выстраиваемого цифровыми технологиями коммуникации, выступает конфликт между глобальным характером гражданского общества в лице «социально-технического» человека («трансчеловека») и национальным институтом власти. Этот конфликт приобретает особую остроту, если власть авторитарна. Безусловно, данный конфликт разрешится в пользу глобального гражданского общества, поскольку оно основывается на цифровых технологиях коммуникации, которые не могут быть отменены, и власти, будь она демократической или авторитарной, придется искать свою нишу в глобальном самоорганизующемся социуме, подстраиваться под требования глобального гражданского общества.

Разумеется, все рассмотренные грани глобального общества – экономическая (глобальная экономика), идеологическая / ценностная (неолиберальная идеология), технологическая (глобальная социально-техническая система) и социальная (глобальное гражданское общество) – слиты воедино, в новый миропорядок, новую общественную парадигму.

Всякая парадигма – продукт развития, которое, будь оно общественным или научно-технологическим, представляет смену парадигм, происходящую в результате критического повышения конфликтности в старой парадигме, что и вынуждает к переходу в новую парадигму. Классическую теорию общественного развития через накопление и разрешение неких базовых социальных противоречий (конфликтов) дал К. Маркс. Он указал на «вечный» конфликт между уровнем социального управления и уровнем общества как на сквозную в истории человечества причину революционных социальных изменений.

По К. Марксу, социальные изменения происходят тогда, когда уровень общества перерастает наличный уровень социального управления, т.е. когда конфликт между общественными силами и силами управления становится открытым и может быть разрешен только в пользу общественных сил, приспособляющихся к себе управление. К. Маркс говорил о конфликте между «производительными силами» и «производственными отношениями», делая упор на экономику. Однако экономика – это часть общества, и в широком смысле «производительные силы» являются «общественными силами», а «производственные отношения» – «общественными

ми отношениями», существующими всегда в определенном организационно-управленческом, институциональном режиме.

Классовая борьба, по К. Марксу, это не что иное, как конфликт между «людьми власти» и «людьми, лишенными власти», т.е. это все тот же конфликт между управляющими и управляемыми. И в повторяющихся циклах нарастания и разрешения данного конфликта он видел прогрессивную социальную динамику перехода общества от одной парадигмы к другой. К. Маркс называл эти парадигмы «общественно-экономическими формациями» и был прозорлив в отношении вектора их смены – к парадигмам, все более преодолевающим отчуждение человека, общества от организационно-управленческих систем, отчуждение управляемых от управляющих. В идеале такое отчуждение прогнозировалось им полностью преодоленным – в полностью самоуправляемом обществе, когда управляющими являются все.

В истории социологической науки это – самый последовательный и радикальный либерализм. К. Маркс ошибся в одном – в своем убеждении, что идеал полностью самоуправляемого общества можно осуществить на практике. Однако в векторе общественного развития он не ошибся – просто этот вектор ведет к асимптотическому (бесконечному) приближению к полностью самоуправляемому обществу, но никогда не достигнет этого идеального состояния. Общество является статистической системой, и в нем всегда будет сохраняться противоречие самоуправления / управления. При этом оно всегда будет стремиться к либеральным институтам, поскольку только они способны поддерживать баланс самоуправления / управления.

На тот же вектор общественного развития – либеральный – указал и Ф. Фукуяма. Его можно критиковать в точности за то же, за что и К. Маркса, – лишь за опрометчивый термин «конец истории», если приписать термину смысл достижения обществом «окончательных» институтов самоуправления. Однако суть социологической науки К. Маркса и Ф. Фукуямы заключается в подходе к обществу как статистической системе, которая стремится к самосохранению в качестве статистической системы. В силу этого своего фундаментального стремления общество вступает в «вечный» конфликт с политической системой, всегда нарушающей баланс самоуправления / управления в пользу управления и тем самым поддерживающей в обществе постоянную мотивацию к восставлению этого баланса.

Достижение К. Маркса и Ф. Фукуямы как социологов в том, что они обнаружили в обществе устойчивую и фундаментальную мотивацию восстановления баланса самоуправления / управления в качестве двигателя общественного развития. Таким образом, они обнаружили, что общественное развитие осуществляется через очередное разрешение назревшего конфликта между самоуправлением и управлением. И этот механизм восстановления баланса между самоуправлением и управлением вводит общество в очередную институциональную парадигму. Очередная новая парадигма призвана восстановить права общественного самоуправления на новом уровне, который вовсе не предполагает достижения «окончательных» институтов, поскольку конфликт между самоуправлением и управлением не исчезает, а просто становится менее острым в новом договоре между обществом и государством. Например, новый договор между обществом и государством был достигнут в результате промышленной революции, которая вызвала к жизни индустриальное общество и «капиталистическую» экономику. Текущие процессы глобализации обусловили необходимость заключения нового договора между обществом и государством, не упраздняющего, а меняющего управление в системе самоуправления / управления. Когда-то устареет и формирующаяся ныне институциональная парадигма, и «конца истории» не предвидится в этих вечных институциональных перестройках в ответ на непредсказуемые поводы к ним, повышающие претензии самоуправления к управлению.

Именно К. Маркс и Ф. Фукуяма фундаментально связали социальный конфликт с социальным развитием. Речь у них идет о «матричном» социальном конфликте – между самоуправлением и управлением, – конфликте, устранение которого с помощью ликвидации одной из его сторон устраняет и развитие, делая одинаково нежизнеспособными общество без государства и общество, где государство тотально. Еще задолго до глобализации, вызванной цифровыми технологиями коммуникации, непосредственно столкнувшейся друг с другом разные народы и культуры и повысившей уровень конфликтности в мировом социуме, социологи обратили внимание на культурное многообразие индустриального общества XX в. как на одну из важных причин социальных конфликтов. В частности, еще в 1930-х годах Т. Селлин (T. Sellin) выявил такой структурный фактор социальной напряженности, как наличие в данной стране доминирующей культурной / этнической группы. Эта доминантная группа контролирует национальный законода-

тельный процесс, так что другие культурные / этнические группы страны оказываются ущемленными в отражении своих культурных кодов в национальном законодательстве. Например, содержащиеся в уголовном праве нормы поведения могут противоречить культурным стереотипам этнической группы, не являющейся доминантной группой. Тогда поведение этой группы, не отказавшейся от своих культурных стереотипов, будет не только раздражать доминантную группу, но и в определенных случаях считаться противозаконным поведением. В результате данная культурная / этническая группа рискует приобрести репутацию криминогенной, а в обществе произойдет рост взаимного отчуждения, нетерпимости, что и может вылиться в социальный конфликт.

Сходную идею высказал в 1950-х годах Дж. Волд (Vold), который рассматривал преступление не как индивидуальное противозаконное действие, а как специфическое проявление социального конфликта – продукт противостояния социальных групп. Люди, рассуждал Дж. Волд, по своей природе социальные существа, всегда представляющие определенные социальные группы, разграниченные по интересам и потребностям и соревнующиеся между собой за контроль над необходимыми ресурсами – деньгами, образованием, занятостью и т.д. Какие-то группы в этом соревновании выигрывают. Тогда возникает социальный конфликт – между этими группами, получившими в обществе власть (принимать в свою пользу законы и т.д.), и группами, ущемленными в этом отношении. Сам по себе подобный конфликт является криминогенной средой – и не только для проигравшей стороны, которая не признает закон, устанавливаемый выигравшей стороной, но и для последней, поскольку та приобретает власть законодательства, ущемляющего проигравших.

Дальнейшее развитие данная идея получает в 1960-е годы у О. Тэка (O. Turk), опирающегося на представление К. Маркса об отношениях производства как ключе к пониманию природы власти, а также на социологию Р. Дарендорфа (R. Dahrendorf). Именно укорененные в обществе отношения власти, всегда ущемляющие подвластную сторону, О. Тэк считает главным источником криминализации общества как почвы для социальных конфликтов. Согласно О. Тэку, отношениями власти / подчинения пронизаны все институты общества – церковь, наука и образование, даже семья, не говоря уже об управлении. Это делает общество в принципе конфликтным пространством. Подвластные группы стремятся стать властными, а властные – не упустить власть. Социально-

конфликтная ситуация становится актуальной, когда в обществе есть культурное / этническое разнообразие, т.е. когда ущемление властными группами подвластных групп приобретает межэтническую напряженность. Индустриальное общество XX в. именно и отличается культурным / этническим многообразием, и, по мнению О. Тэка, представляется трудным и даже почти невозможным эффективно управлять социально-конфликтными рисками в таком обществе.

Ситуация тем более усугубляется в текущих условиях цифровой глобализации. Глобальная миграция приобрела беспрецедентные масштабы, изменив этнический облик многих стран, где некоренные этнические группы, являясь гражданами этих стран, тем не менее сохраняют свои культурные символы и стереотипы. Ясно, что в этих условиях требование ассимиляции иммигрантов может быть реализовано только в статистическом порядке – на индивидуальном уровне, но оно не работает на уровне диаспор, которые не собираются «растворяться» в принимающем обществе. Таким образом, фактор диаспор становится одним из важнейших факторов социума эпохи глобализации, обуславливая рост рисков числа социальных конфликтов, появляющихся в результате повседневного прямого взаимодействия разных культурных / этнических групп. Здравый смысл подсказывает, что эффективное – в интересах социального мира – управление этими рисками возможно лишь на пути признания за диаспорами права оставаться в культурном отношении самими собой.

Социальный конфликт существует уже на уровне статистического характера общественной системы – между индивидуальными волями и принуждением их к социальному единству. Этот «первичный» социальный конфликт неустраним, поскольку его устранение повлечет за собой разрушение общественной системы, которая не может быть иной, как только статистической системой. Неустранимый «первичный» конфликт транслируется на все уровни общественной жизни в виде потенциала социальных конфликтов, которые, таким образом, все восходят к «первичному» противоречию – между самоуправлением (индивидуальными волями) и управлением (принуждением индивидуальных волей к социальному единству). Понятно, что данное противоречие имеет для общественной системы негативный эффект, поскольку выступает фундаментальным фактором риска возникновения социальных конфликтов. Однако также понятно, что оно позитивно как гарантия прочности общественной системы.

Этот «первичный» общественный конфликт – между гражданским обществом (социальным самоуправлением) и властью (социальным управлением) – указывает на то, что формирующееся благодаря цифровым технологиям коммуникации глобальное общество является в основе своей именно глобальным гражданским обществом, принуждающим институт социального управления к структурному реформированию в интересах гражданского общества с соответствующими экономическими (глобальная экономика) и идеологическими / ценностными (неолиберализм) последствиями.

Стремительно формирующееся в настоящее время глобальное общество получило в научной литературе имя «глобальное гражданское общество» с той оговоркой, что последнее представляет такую объективную реальность, шансы на выживание которой повышает само определение этой пока весьма неопределенной реальности в качестве именно глобального гражданского общества [7; 6; 2]. Логика здесь в том, что если дать имя чему-то неопределенному, смутно существующему, то это уже будет некое определение этого смутного существования, некая зацепка к методологии его исследования – методологии, похожей на гегелевский метод последовательной конкретизации первоначально абстрактного бытия. Исследователи складывающегося ныне глобального миропорядка тоже берут на себя большую (гегелевскую) ответственность, давая ему определение глобального гражданского общества на фоне доминирующего сегодня представления о глобализации как «мире, который настолько запутался и погряз просто в безумии, что не заслуживает даже понимания» [7, р. 43]. Все это бросающееся в глаза «безумие» не мешает им видеть «постепенное развитие путей к глобальному будущему, основанному на ненасилии и правовом порядке перераспределения власти от правительственных институтов к разнообразным и взаимосвязанным формам социально-экономической жизни» [2, р. 237].

Эта методология пользуется «широкой кистью» для написания картины текущего социального процесса: стремится увидеть за текущими «картинками» долгосрочные тенденции, вызванные на фундаментальном уровне функционирования общества; настаивает на то, чтобы не просто описывать какие-то видимые изменения, но искать за ними фундаментальные общественные трансформации, которые происходят «снизу», накапливая свою энергию в недрах общества и выливаясь наконец в императивный общественный запрос. Именно согласно такой методологии и легализуется феномен глобального гражданского общества, на которое

поступил общественный запрос. Несмотря на текущее «безумие глобализации», этот феномен – уже реальность, находящийся пока в состоянии становления.

Существование общественного запроса на глобальное гражданское общество доказывает появление «нового капитализма» (глобальной экономики), или, как его иногда называют, «турбулентного капитализма» – неуправляемого, затягивающего мир в «турбулентную тряску». Но уже на этой «турбулентной» стадии экономическая глобализация ясно продемонстрировала вектор своего развития – освобождение рынков от бывшего их подчинения режимам правительственного и другого контроля, ставшее возможным благодаря взрывному развитию цифровых коммуникаций. Фактически произошло в глобальном масштабе то самое «перераспределение власти от правительственных институтов к разнообразным и взаимосвязанным формам социально-экономической жизни», которое отвечает принципам гражданского общества. Это становящееся глобальное гражданское общество существует в условиях «турбулентного капитализма» [2], когда впервые в человеческой истории рынок получил неограниченные права в выстраивании глобальных товарных цепочек. Такой рыночный простор не привел к положительному результату. Напротив, неолиберальная глобализация породила вопиющее неравенство, что, собственно, и вызывает необходимость для международного сообщества предпринять усилия, на экспертном и правительственном уровнях, для возможно быстрого преодоления «турбулентной» стадии формирования глобальной экономики и в целом глобального социума. Собственно, само рождение феномена глобального гражданского общества, сама эта свершившаяся социальная революция уже есть установление новой глобальной социально-экономической парадигмы, которая будет диктовать свои правила всем структурным подразделениям общества, в том числе институту власти. Поэтому текущая социально-экономическая «турбулентность» – это не катастрофа, а рутинный проблемный период укрепления новой парадигмы.

Феномен глобального гражданского общества – это глобальная социально-экономическая, социально-техническая и неолиберальная парадигма, в которой невозможно отделить друг от друга социальную, экономическую, технологическую и идеологическую / ценностную стороны. В отношении социально-экономической реальности невозможно размежевать между собой гражданское общество и рынок. И здесь коренится существенное различие между

тем, что такое глобальное гражданское общество, и тем, что такое гражданское общество в прежней социально-экономической парадигме. В традиционном понимании гражданское общество отделено от рынка и принадлежит исключительно социальной сфере – сфере, где не думают о прибыли и где люди являются целью; этим она отличается от рыночной сферы, где делают прибыль на товарном производстве и обмене, а люди – лишь средство получения прибыли. В глобальной же социально-экономической парадигме гражданское общество вовсе не нужно «очищать» от рынка – исходя из того простого соображения, что изолированное от рынка гражданское общество не будет получать никаких благ и услуг, которые способен обеспечить только рынок, и окажется, таким образом, чистой утопией. И столь же фантастична идея рынка, «очищенного» от социальных обязательств. Рынок, и это показал еще А. Смит, – более широкая реальность, чем чисто экономическая, именно социально-экономическая реальность. Экономический рынок есть не что иное, как проявление гражданского общества в экономических отношениях, если под гражданским обществом понимать отношения свободы, противящиеся любым проявлениям властного давления. Нынешняя «турбулентность» глобальной социально-экономической парадигмы – это одновременно и «дикая» стадия становления глобальной экономики, и зарождение глобального гражданского общества: одно находится внутри другого, и одно без другого не выживает. Такое единство глобальной экономики и глобального гражданского общества весьма противоречиво: «турбулентный» социально-экономический рынок одновременно и создает, и разрушает структуры глобального гражданского общества. Это, по мнению многих исследователей, является свидетельством того, что «процесс носит “тектонический” характер, плохо управляем в принципе. Он подчиняется силам не “политократии”, а “космократии”, поэтому приходится просто принять “космократическую” форму глобального управления. “Космократия” – система глобального косвенного управления, в которой совокупным “управленцем” выступают глобальные сети взаимозависимых действий и реакций со стороны правительственных, неправительственных, политических, экономических, военных и других структур, все вместе и составляющие реально “мировое государство”» [7, p. 188].

«Космократическое мировое государство» – образ самоуправления в глобальной социально-экономической парадигме, совершенно не связанный с образом суверенного национального

государства, по аналогии с которым мыслилось бы и «мировое правительство» в виде транснациональных органов власти. В «космократию» никак не вписывается «великодержавная» модель глобального управления: после Второй мировой войны страны-победительницы присвоили себе право единолично принимать геополитические решения. Ввиду «космократической» социально-экономической парадигмы «великодержавная» модель глобального управления – явная архаика именно потому, что возник феномен глобального гражданского общества, глобального самоуправления, которое по мере своего укрепления не позволит вернуться к прежнему миропорядку. Глобальное гражданское общество представляет реальность, которая не только «есть», но и «должна быть», и такое долженствование вытекает из самой природы человека и общества. Общество дифференцировано по разным ориентациям, позициям и интересам людей, и это атрибутивное для общества многообразие не должно ликвидироваться кем-то, кто присвоил себе привилегию власти и стал диктовать обществу кодекс. Глобальное гражданское общество как форма глобального самоуправления сохраняет естественное для общества состояние многообразия ориентаций, позиций и интересов. Следовательно, такая общественная форма – должная. Она не может привести к «социальной энтропии», поскольку многообразие в рамках единства – естественный общественный порядок, называемый в науке статистическим.

В научной литературе есть разные представления о реально складывающемся сегодня глобальном гражданском обществе. Одно из этих представлений изображает гражданское общество не в противоположность государству, а в противоположность «негражданскому обществу» – как миролюбивый порядок, основанный на неявном или явном согласии, некая «зона вежливости», где насилие как способ организации общественных отношений сведено к минимуму. Другое представление идет от А. Смита к Г.В. Гегелю и К. Марксу и рисует гражданское общество как противоположность государству. Этот образ сфокусирован на роли капитализма в развитии рынков, социальных классов, гражданских прав и благосостояния. Помещенный в глобальный контекст, он представляет картину собственно глобализации – появления социально-экономической транснациональной реальности, которую составляют транснациональные корпорации, транснациональная миграция, глобальная культура. Еще один образ глобального гражданского общества оказывается пространством индивидуального граждан-

ского влияния на условия жизни граждан непосредственно через самоорганизацию и политическое давление. В этой версии решающим является существование глобальной публичной сферы – именно глобального гражданского общества, вооруженного гражданской ответственностью за недопущение любых социальных притеснений со стороны власти или бизнеса с его безудержным преследованием прибыли. В таком своем образе гражданское общество перенимает у государства многое в функции обеспечения общественного благополучия. Наконец, существует постмодернистское представление о глобальном гражданском обществе, отвергающее универсализм общественной жизни, но провозглашающее в качестве универсального принципа толерантность – терпимость к многообразию любых жизненных стилей, любых образцов поведения, когда ничего не осуждается и приветствуется позиция морального релятивизма, плюрализма истины и правды [6].

Эта коллекция представлений о глобальном гражданском обществе призвана привлечь внимание к многоликости и полифонии реально возникшего глобального порядка. Такова новая парадигма социальной жизни, всегда многоликой и полифоничной и, вполне возможно, более миролюбивой и толерантной. Надежды на рост миролюбия и толерантности в условиях глобального миропорядка – далеко не утопические. Подобные надежды в отношении человеческого сообщества до сих пор во многом были утопией, хотя цивилизационное развитие все же давало свои плоды. Однако до сих пор отсутствовали институциональные условия, которые воспитывали бы сначала привычку, а потом и сознание толерантности. За многие века люди привыкли жить в иной (чем предоставляет основанный на цифровых технологиях коммуникации глобальный миропорядок) институциональной среде суверенных национальных государств, автономных национальных, культурных, конфессиональных сообществ. Эта среда укрепляла координаты «свой – чужой», что никак не способствовало установлению отношений толерантности не только между «своими» и «чужими», но и между «своими». Формирование глобальной институциональной среды перемешивает «своих» и «чужих», и вполне могут появиться «новые люди», которые и создадут толерантное общество.

Разумеется, путь к толерантному человеческому обществу неизбежно противоречив. Глобальное гражданское общество, перемешивая «своих» и «чужих», ломая привычную «племенную суверенность», вызывает рост социальной конфликтности. Его можно сравнить с коммунальной квартирой, где чужие друг другу

люди вынуждены сосуществовать в тесноте, что делает коммунальное общежитие весьма конфликтным. Однако жильцы коммунальной квартиры сильно ущемлены в бытовом плане, что подогревает их взаимное раздражение и конфликты между ними. Глобальная же «коммунальная квартира» никак не ущемляет человека в его повседневной жизни, напротив, она открывает для него новые сервисные возможности. Поэтому конфликтность в таком «коммунальном» социуме, питаемая не плохим бытом, а столкновением разных ценностей, разных культурных кодов и цивилизационных установок, имеет все шансы быть умиротворенной опытом достойного качества жизни людей.

Достойное качество человеческой жизни в глобальной социально-экономической парадигме достигается сервисными возможностями именно глобального гражданского общества, обязанными своим появлением беспрецедентной социальной самоорганизации на основе свободной глобальной коммуникации. В ряду новых возможностей улучшения людьми своего качества жизни находится сотворенная цифровыми технологиями коммуникации такая социальная инновация, как виртуальный рынок труда. Он позволяет все большему числу работников работать дистанционно, независимо от того, где географически находятся их работодатели. Яркий пример – индийские специалисты в области ИТ, работающие для экономики США. В прошлом, до появления виртуального рынка труда, они вынуждены были становиться иммигрантами. Цифровая революция отменила эту необходимость, связав работника с работодателем через компьютер и тем самым открыв в области трудовой миграции такую инновацию, как виртуальная трудовая миграция [1].

Эта инновация высвечивает в новом свете и глобализацию, и трудовую миграцию, и социально преобразующий эффект цифровой революции, демонстрируя новое качество социальных явлений, которые до цифровой революции не имели его и воспринимались иначе. Трудовая миграция была всегда, но выяснилось, что она может быть виртуальной, и это обстоятельство реально изменило не только представление о трудовой миграции, но и само общество. Миграция сама по себе есть глобализация, поскольку социально и экономически разрушает выставляемые властью коммуникационные границы.

Национальное государство выступает механизмом социальной закрытости, создающим взаимное отчуждение между всеми так «огороженными» социальными территориями, деление на

«нас» и «других». Поэтому миграция и становится проблемой, поскольку наличие национально-государственных «заборов» позволяет проводить четкое разделение на «своих» и мигрантов. До существования таких «заборов» люди мигрировали относительно свободно, имея в этом лишь технологические ограничения – насколько позволял уровень развития транспорта.

Национальное государство воздвигает политические барьеры и регулирует мобильность людей посредством таких критериев, как приписывание статуса гражданина или иностранца, потребность национальной экономики в рабочей силе (хватает или не хватает), культурная (этническая, религиозная) принадлежность и т.д. В результате люди, желающие мигрировать на «огороженную» территорию, но которых «не ждут», обязательно получают от местного населения внятные сигналы о том, что им было бы лучше держаться подальше от «чужой» территории. Трудовые мигранты являются фактором понижения местных зарплат, поскольку они усиливают обеспечение труда. Это выгодно работодателям, но не выгодно местным работникам, поэтому работодатели приветствуют открытие границ и глобализацию, а местные работники категорически против нее.

Глобализация высвобождает в гораздо большей степени миграцию капитала, нежели миграцию труда, мобильность которого, в отличие от мобильности капитала, ограничена рынком. Эта проблема особенно велика для работников неквалифицированного и физического труда. Так, для работников физического труда из богатых стран практически бесполезно становиться мигрантами для улучшения своего материального положения. Если они не удовлетворены условиями в своих странах, то рынки, готовые принять таких работников, предоставят им еще худшие условия. Выигрывают как мигранты работники из бедных стран: они будут получать зарплату более высокую, чем в своих странах, и они же создадут миграцию капитала по факту своей физической миграции, своего труда, «творящего» капитал, которого не было до их миграции.

Цифровая революция распространила эту логику миграции – наращивания капитала через трудовую миграцию – и на высококвалифицированных работников в высшем секторе глобального рынка труда, приведя в миграционное движение человеческий капитал (высококвалифицированных работников), аккумулированный во многих бедных странах. Произошло беспрецедентное усиление миграции капитала и конкуренции на глобальном рынке труда в его высшем секторе.

Это привело мировую экономику к взрывному спросу на знания, образование и сообщило ей новое качество «экономики знаний», основанной именно на глобальной конкуренции между высококвалифицированными работниками, т.е. способной себя воспроизводить только в виде глобальной экономики. Действительно, спрос на высококвалифицированных работников вследствие цифровой революции сам создал глобальную ситуацию, поскольку высококвалифицированные работники, в отличие от работников неквалифицированных и физического труда, конкурируют между собой именно на глобальном рынке труда, в то время как между работниками неквалифицированными такой конкуренции нет. Неквалифицированные работники без всякой конкуренции, без борьбы работодателей за них самостоятельно мигрируют из бедных стран в более богатые страны. Они не создают глобальную экономику, они просто используют ее прозрачные государственные границы. Высококвалифицированные же трудовые мигранты, мобилизованные цифровой революцией, выстраивают глобальную экономику – органичную для себя среду – именно как «экономику знаний». Так глобальная экономика, цифровая революция и «экономика знаний» оказываются в нерасторжимой взаимосвязи и выступают единым феноменом.

Внутри этого единства и возник режим виртуальной миграции, не отменяющей физическую миграцию работников. Эти два типа – части процесса трудовой миграции в глобальной экономике. При этом виртуальная миграция, в отличие от физической трудовой миграции, не просто «заполняет» глобальную экономику, а непосредственно выстраивает высшие секторы глобальной экономики, определяя ее качество «экономики знаний».

Виртуальная миграция выступает своеобразным тестом для национальных социально-экономических систем и демонстрирует, насколько они структурно приобщены к глобальной экономике, т.е. насколько они являются «экономиками знаний». Это – тест на качество трудовой миграции в данную страну. Во-первых, если трудовая миграция направлена не в страну, а из страны, то это уже свидетельство того, что страна просто экономически неблагополучна, не говоря уже о планке «экономики знаний». Во-вторых, если страну, куда даже и массово въезжают трудовые мигранты, игнорируют виртуальные высококвалифицированные мигранты, можно не сомневаться, что и качество массовой физической миграции в стране низкое и что страна находится в глобальной экономике

просто потому, что глобальная экономика существует, но страна не имеет хотя бы контуров «экономики знаний».

В глобальной экономике физическая трудовая миграция представляет анахронизм – «старую» экономику в «новой» экономике. Такая миграция не только не является проводником тенденций экономической глобализации, но, напротив, выступает их тормозом, «оживляя» мир, разделенный всевозможными границами, барьерами и соответствующими предрассудками. Передовой же отряд глобализации, ее строитель – виртуальная миграция, подтверждающая самим фактом своего существования реальность глобальной экономики.

Феномен виртуальной миграции демонстрирует, что суть глобальной экономики заключается не в транснациональных корпорациях и прозрачных границах, а в перемещении мировой экономики из физического в информационное пространство. Это означает трансформацию самой природы рынка, главным механизмом которого становится уже не спрос / предложение, а информация. В глобальной экономике информация является главной составляющей.

Информация всегда была важна в рыночной экономике, но играла подсобную роль, хотя и лихорадила рынки и провоцировала кризисы. Почему глобальная экономика часто воспринимается как хаос? Именно потому, что этот хаос – порождение даже не столько становления глобальной экономики, сколько ее качества информационной экономики, в которой информация способна создавать полностью загадочные ситуации для тех, кто привык действовать по классическим рыночным законам. Единственный выход – информационная экономика должна быть понята как порождение технологического прогресса, а технологический прогресс не спрашивает, быть ему или не быть, к нему надо просто адаптироваться.

При всех достоинствах глобального гражданского общества в отношении возможностей реализации человеком своих естественных прав ожидаемо, что на «турбулентной» стадии его формирования повышается уровень социальной конфликтности. Это происходит вследствие следующих причин: 1) беспрецедентного роста субъектности общества (социальной самоорганизации), что вызывает два рода конфликтов: между самоуправлением и управлением и внутри самоуправления (между самоорганизующимися субъектами); 2) глобальной миграции, несущей конфликты в принимающие мигрантов страны. Другими словами, социальная кон-

фликтность в глобальной общественной парадигме существенно возрастает из-за лавинообразного умножения групп интересов, их неуправляемого столкновения в едином социально-экономическом пространстве [9].

Это – конфликтность иного качества, отличная от той, которая была в мире отдельных национально-государственных «квартир». Тем не менее формирование глобального гражданского общества – «фатальный», неотвратимый процесс, поскольку идет он в соответствии с фундаментальными законами функционирования общества, выполняя фундаментальную программу наиболее адекватного институционального обеспечения естественного для общества статистического состояния «единства многообразия».

Список литературы

1. *Aneesh A.* Virtual migration : the programming of globalization. – Durham ; L. : Duke univ. press, 2006. – 208 p.
2. *Baber Z.* A name for a stray dog – global civil society // International sociology : Journal of the international sociological association. – 2008. – Vol. 23, N 2. – P. 237–245.
3. *Doede R.* Technologies and species transitions : Polanyi, on a path to post-humanity? // Bulletin of science, technology & society. – 2011. – Vol. 31, N 3. – P. 225–235.
4. *Harvey D.* Spaces of global capitalism : towards a theory of uneven geographical development. – L. ; N.Y. : Verso, 2006. – 156 p.
5. *Jewitt C., Price S., Sedo A.* Conceptualising and researching the body in digital contexts : towards new methodological conversations across the arts and social sciences // Qualitative research. – 2017. – Vol. 17, N 1. – P. 37–53.
6. *Kaldor M.* Global civil society : an answer to war. – Cambridge : Polity press, 2003. – 200 p.
7. *Keane J.* Global civil society? – Cambridge : Cambridge univ. press, 2003. – 234 p.
8. *Naikar N., Elix B.* Reflections on cognitive work analysis and its capacity to support designing for adaptation // Journal of cognitive engineering and decision making. – 2016. – Vol. 10, N 2. – P. 123–125.
9. *Raelin J.* Emancipatory discourse and liberation // Management learning. – 2008. – Vol. 39, N 5. – P. 519–540.